

Культура

Эльзасское вино Владимира Спивакова

Юрий КОВАЛЕНКО,
Париж — Кольмар

Вот уже 16 лет
маэстро Спиваков
руководит
Международным
музыкальным
фестивалем
в городе Кольмар.
Мы побеседовали
с Владимиром
Теодоровичем
незадолго
до закрытия форума

— Нынешний фестиваль был посвящен знаменитой американской певице Джесси Норман, а заодно Америке, ее композиторам и музыкантам...

— Вначале он был задуман как фестиваль, посвященный только Джесси Норман. Но так совпало, что здесь широко отмечают 100-летие со дня смерти уроженца Кольмара скульптора Огюста Бартольди, который создал статую Свободы, установленную в Нью-Йорке. К тому же, Франция, как известно, определенным образом отреагировала на войну в Ираке, ну а жить надо дальше, и пока, как ни крути, без американцев никуда не денешься. Поэтому политики ухватились за это дело, и к обычному посвящению фестиваля какому-то артисту они добавили Америку, ее композиторов, статуя Свободы и все прочее. Вот так наводятся мосты. Хотя я против того, чтобы музыка оказывала какое-то влияние политического характера.

— Наверное, нелегко было заполнить на фестиваль великую Джесси Норман, которая дает здесь три концерта. У нее репутация капризной дивы...

— Мне было нетрудно, так как она была дважды в Москве, и мы вместе много работали. Однажды, когда у меня была единственная возможность встретиться с Джесси и прорепетировать в парижском театре «Шатле», а ее офис перепутал день, то она

села в автомобиль и всю ночь ехала из Германии в Париж, чтобы попасть на эту репетицию, поскольку в тот же вечер я улетал в Италию ставить оперу... Ну а капризы ее изучены и, можно сказать, одобрены. То, что люди называют капризами, ей необходимо, чтобы она могла себя хорошо чувствовать. Во дворце рядом с Кольмаром, в котором она остановилась, для нее построили специальную ванную.

— У вас творческий роман? — Можно сказать и так. Она, кстати, весьма ревнива. Однажды, когда я выступал у стен Акрополя, пришла одна знаменитая певица и говорит ей: «Я поражена, что маэстро Спиваков, которого я знаю как великолепного скрипача, вам так тонко аккомпанирует». Джесси ответила: «Он только мой!»

— А существует ли вообще американская классическая музыка?

— Существует в той мере, в какой происходит интеграция культур. То, что называется американской скрипичной школой, в действительности основано русскими. В Америку из Петербурга переехал великий педагог Леопольд Ауэр. Приехал Яша Хейфец, который тоже считается русским скрипачом. Правда, он родился в Вильно, но учился в Петербурге. Америка его себе присвоила, и он стал великим американским скрипачом. Мы им, как всегда, помогли... Туда уехали многие наши педагоги. Во всех лучших американских оркестрах обязательно есть русские музыканты. Искусство — это, слава Богу, такая свободная территория, как воздух, который перемещается из одного пространства в другое.

— На этот раз в Кольмар вы привезли и «Виртуозов Москвы», которые существуют уже четверть века, и свой Национальный филармонический ор-

кестр России, созданный год назад....

— Оркестр впервые выехал за границу. Он на очень большом подъеме. С ним уже выступили крупнейшие музыканты. Он дышит любовью и энтузиазмом, готов репетировать дено и ношно.

— Кто из них вам дороже?

— НФОР, хотя и большой по составу, но он пока мой маленький ребенок, и поэтому требует к себе больше внимания.

— В вашей фестивальной программе есть даже концерт для заключенных, который музыканты дают в местной тюрьме...

— Меня там не будет. Уж если выступать, то перед нашими заключенными. Кстати, одна из форм деятельности моего фонда — это концерты в детских колониях, которых, к сожалению, в России очень много. Если эти несчастные ребята не будут ничего видеть и слышать, то выйдут из колоний искалеченными.

— К нынешнему фестивалю во Франции выпустили книгу «Годы Спивакова» и теперь даже производят эльзасское шипучее вино, на этикетке которого запечатлен играющий на скрипке маэстро Спиваков. Это уже верх признания.

— Да, после присуждения мне звания офицера в области искусств и ордена Почетного легиона, пожалуй, больше ждать уже нечего... Автор книги мне сказал, что написал ее для того, чтобы остался след той культурной революции, которая произошла в Кольмаре. Рядом находится большой Страсбург с его европейскими институтами, и теперь весь Страсбург приезжает на концерты в маленький Кольмар, а газета «Нью-Йорк таймс» из года в год называет его одним из ведущих европейских фестивалей.

— У вас сумасшедшая творческая жизнь — сольные кон-

церты, два оркестра, фестивали, мастер-классы, конкурсы, руководство Московским международным Домом музыки...

Что заставляет вас жить в таком темпе?

— Есть какой-то внутренний двигатель. Я понимаю, что время ускользает, как вода меж пальцев. В ушах ветер свистит от скорости жизни. Поэтому, пока здоровье позволяет, я буду жить так, как живу.

— Вам порой не хочется все бросить и куда-нибудь уехать, подумать о душе и о Боге?

— Иногда такие мысли меня посещают...

— Вы с ними боретесь?

— Они со мной борются, но безуспешно.

— После скрипичного концерта Вивальди в Кольмаре вы сказали, что в момент сочинения он, наверное, был влюблен сразу в трех женщин. Он написал за свою жизнь 500 концертов, сотню сонат, 40 опер и т.д. Любовь — это вечный двигатель для творчества?

— Невероятный!

— Влюбленный скрипач играет с особым вдохновением?

— Конечно! Надо быть влюбленным — в женщину, в музыку, в жизнь.

— Каковы ваши самые чувствительные струны?

— Обостренное чувство несправедливости. Если я вижу, что торжествует неправда или обижают детей или стариков, это на меня ужасно действует. Часто моей жене приходится меня останавливать.

— Вам случается играть для самого себя?

— Да, играю Баха. Его музыка приводит все атомы души в гармоничное состояние. И я как бы остаюсь наедине с собой. Однажды Фаина Раневская, заболев, не смогла попасть на наш концерт и спросила меня, что в программе. Узнав, что Бах, сказала: «Это мой бог!».

— Вы живете среди женщин: три дочери, племянница, жена Сати и ее мама. Устраи-

ваете для них семейные концерты?

— Я репетирую дома, и им уже, наверное, надоел.

— В обстановке всеобщего восхищения не возникает культ собственной личности?

— У всех по-разному. За собой я этого не замечаю.

— Изменилась ли ваша исполнительская манера?

— Конечно, я много дирижирую, и это для меня открывает совершенно другие просторы.

— Простота приходит последней, говорил Шопен...

— Она уже на подступах, стучится в дверь.

— Кому бы из великих композиторов вы хотели бы сыграть их сочинения?

— Очень многим — Бетховену, Шуберту. Некоторым я играл — Шостаковичу, Шнитке, Шедрину.

— Вы так много сил отдаете своему благотворительному фонду. Это для вас моральный долг, желание помочь ближним?

— Прежде всего, это доставляет мне самую большую радость. Ничего нет важнее, чем увидеть счастливую улыбку ребенка — как своего, так и чужого. Фонд, который существует 10 лет, в общей сложности помог более тысячи детей. В этом году прошел фестиваль «Москва встречает друзей», на который приехали 850 ребят из всех бывших советских республик.

— Дети вашего фонда недавно блистательно выступали с концертом в парижском театре «Шатле»...

— Я никогда не видел в таком состоянии эту буржуазную публику, пахнущую всевозможными «герленами» и «шанелями». Она плакала, стучала ногами, свистела.

— Можно ли считать политику искусством?

— Белинский писал, что цель искусства — это возможность непосредственно увидеть истину. А цель политики не всегда такова. Она — в от-

личие от искусства — часто стоит человеку жизни.

— Сегодня вы все больше времени проводите в России, часто выступаете в провинции. Не остается ли она музыкальной пустыней, которая сидит на голодном пайке?

— Безусловно, она сидит на голодном пайке, но пустыней ее никак не назовешь. Там такое количество артезианских колодезь, о существовании которых мы можем только догадываться... На первых гастролях НФОР священник в Екатеринбурге подарил нам 110 пасхальных куличей — каждому музыканту. Разве такое мыслимо в какой-либо другой стране?! Однажды я был на Волге, в городе Космодемьянске. На рынке хотел купить яблок и спросил, сколько стоят. «Владимир, никаких денег не нужно», — ответили мне. Я хотел заплатить, говорил, что мне неудобно, но обступившие меня люди заявили: «Ну что вы, это нам память!»

— 12 сентября вам исполнится 60 лет. Что было главным за эти годы?

— Как у каждого, у меня были и ошибки, и грехи. Подводить итоги не мне. Самое главное, что я остаюсь человеком, который любит людей, счастлив своей работой. А то добро, которое удается делать с помощью фонда, помогает мне смотреть на мир незамутненным взором.

— Что стало бы для вас лучшим подарком на 60-летие?

— Я люблю сам делать подарки и никогда ничего не жду от других.

— Вы же коллекционируете картины...

— Я не собираюсь напрягать друзей своими желаниями.

— Что такое для вас счастье?

— Счастье — это минимум страдания. Хотя, конечно, страдания, огорчения, сопричастность к горю необходимы. Без этого человек не может ощутить радость бытия.